

Законъ и практика преданія суду.

I.

Актомъ преданія суду осуществляется тотъ моментъ въ ходѣ уголовнаго процесса, съ котораго начинается такъ называемое судебное производство по дѣлу, завершающееся судебнмъ приговоромъ.

Но актъ преданія суду въ то же время самъ является конечнымъ моментомъ до судебнаго производства, заключающагося въ актахъ предварительного слѣдствія.

Такое центральное положеніе акта преданія суду въ общемъ ходѣ процесса сообщаетъ ему чрезвычайно важное значеніе. Такое-же значеніе вмѣстѣ съ этимъ приобрѣтаетъ и учрежденіе, коимъ осуществляется дѣятельность преданія суду.

Призванное для разсмотрѣнія правильности производства и полноты данныхъ предварительного слѣдствія, учрежденіе предающее суду (обвинительная камера) постановляетъ опредѣленіе о преданіи суду лишь въ томъ случаѣ, когда признаетъ это юридически возможнымъ и когда данныхъ предварительного слѣдствія представляютъ къ тому достаточные основанія, въ противномъ случаѣ оно уполномочено на прекращеніе преслѣдованія безъ всякаго судебнаго производства по дѣлу.

Само собою разумѣется, что осуществленіе такой широкой и властной дѣятельности обвинительной камеры не можетъ совершаться безъ всякихъ руководящихъ на-

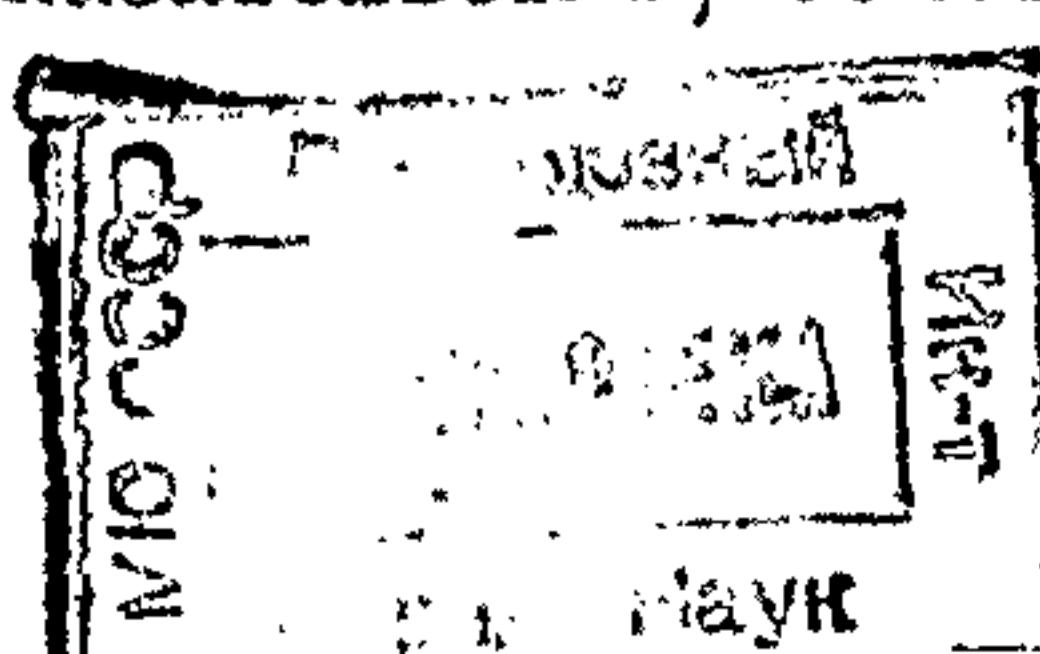
чаль и правила. И действительно,—эти начала и правила сами собою вытекаютъ изъ существа общихъ и основныхъ требованій уголовнаго преслѣдованія. Уголовное преслѣдованіе должно быть прежде всего *законно*. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно должно имѣть подъ собою достаточные основанія въ обстоятельствахъ дѣла.

Сообразно этимъ двумъ основнымъ требованіямъ уголовнаго преслѣдованія и вся область вопросовъ, подлежащихъ разрѣшенію камеры преданія суду, распадается на двѣ группы: одна—группа вопросовъ *юридической возможности преслѣдованія*, а другая вопросовъ *фактической изобличаемости* въ преступленіи. Обѣ эти группы безъ сомнѣнія коренятся въ данныхъ предварительного слѣдствія, надъ коимъ оперируетъ обвинительная камера. Но несмотря на одинаковость источника, каждая изъ нихъ имѣть свои особыя задачи и особыя руководящія начала и правила.

Что касается до группы вопросовъ *фактической изобличаемости*, то установление основныхъ начала и руководящихъ правилъ для ихъ разрѣшенія не представляеть особыхъ затрудненій. Самъ законодатель, въ своихъ объясненіяхъ къ установленнымъ имъ законамъ, эти начала и правила высказалъ съ тою опредѣлительностью, которая не оставляетъ желать большаго.

Въ комментаріяхъ къ Судебнымъ Уставамъ (т. II стр. 189 изд. Госуд. канц.) высказано: «*преданіе суду должно быть допускаемо только тогда, когда собраны по дѣлу доказательства и улики представляютъ сильное впротивѣ въ существованіи преступныхъ фактовъ и въ происходѣніи иго по винѣ подозреваемаго.*»

Въ этомъ указаніи законодателя нельзя не признать вполнѣ цѣльной и законченной теоріи преданія суду на основаніи данныхъ фактической изобличаемости. Установляясь одной стороны, для дѣлъ наиболее важныхъ, особый органъ преданія суду, въ видѣ обвинительной камеры, съ другой, отмѣняя прежде существовавшую теорію формальныхъ доказательствъ, основный начала и

4*

16872

требованія, вытекающія изъ существа этаго новаго порядка вещей, законодатель и не могъ высказаться съ большою подробностью, чѣмъ та, которая заключается въ проведенномъ указаніи. На обязанности практики лежитъ правильное усвоеніе этихъ общихъ указаний и примѣненіе ихъ въ дѣятельности.

Такимъ образомъ, если подозрѣніе въ виновности основывается не на предположеніи, а на фактахъ, добытыхъ предварительнымъ слѣдствіемъ, если дѣйствительность этихъ фактовъ представляется по дѣлу доказанною, если совокупность ихъ представляетъ господство надъ фактами и данными, опровергающими подозрѣніе, если, по самому свойству своему, совокупность этихъ господствующихъ фактовъ и данныхъ относится къ обнаруженню непосредственной связи дѣйствій обвиняемаго съ приписываемымъ ему преступленіемъ, если наконецъ все это въ ясномъ сознаніи органа преданія суду сформировалось въ видѣ убѣжденія *въ сильной вѣроятности* виновности заподозрѣнаго, тогда преданіе суду будетъ самымъ полнымъ и вѣрнымъ выражениемъ требованій той теоріи преданія суду, которая преподана законодателемъ въ видѣ выше приведенного положенія.

Едвали нужно прибавлять, что прекращеніе преслѣдованія должно опираться на отсутствіи или недостаточности тѣхъ данныхъ, которые правильно могли бы служить образованію убѣжденія *въ сильной вѣроятности* вины заподозрѣнаго.

Но если преданіемъ суду нисколько не предрѣшается исходъ дѣла, совершающійся судебнымъ приговоромъ, если не смотря на преданіе суду, судебное разсмотрѣніе дѣла можетъ привести къ полному оправданію подсудимаго, то не таково значеніе акта прекращенія преслѣдованія, когда онъ исходитъ отъ обвинительной камеры. Актомъ прекращенія преслѣдованія совершается весь дальнѣйшій ходъ дѣла. Онъ не подлежитъ отменѣ даже въ кассационномъ порядкѣ, онъ есть окончательный. Въ актѣ прекращенія преслѣдованія преимущественно выра-

жается верховное право обвинительной камеры (К. Р. 67 г. № 60. Суд. Уст. изд. Госуд. канц. т. II стр. 197).

Приведенные положения о характерѣ и юридическомъ значеніи актовъ, исходящихъ изъ верховнаго права обвинительной камеры, недолжны бы, кажется, вызывать никакихъ недоразумѣній и практическихъ неудобствъ. Преподанная законодателемъ теорія преданія суду является тѣмъ краеугольнымъ камнемъ, на которомъ практическая дѣятельность всегда можетъ найти для себя твердую опору и руководство, чтобы устоять на высотѣ своего назначенія.

Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, не сущность и вся полнота основныхъ началъ ученія о преданіи суду, на основаніи данныхъ фактической изобличаемости, можетъ низвести практику до несоответствія съ принципами, изъ-за охраненія коихъ и создана камера преданія суду, а недостаточное усвоеніе этой сущности и сопряженная съ этимъ односторонность. И въ самомъ дѣлѣ, — достаточно остановиться напримѣръ только на томъ юридическомъ значеніи актовъ прекращенія преслѣдованія, по коему они являются окончательными, чтобы, подъ вліяніемъ узкаго пониманія практическаго значенія правосудія вообще, создать совершенно иную точку отправленія для требованій отъ дѣятельности преданія суду.

Преданіе суду не предрѣшаетъ осужденія. Неправиль-но преданный суду (на основаніи данныхъ фактической изобличаемости) будетъ оправданъ окончательнымъ судебнѣмъ приговоромъ; его имя и честь возстанавляются съ того самого момента, когда будетъ произнесено торжественное и великое: «невиновенъ».

Прекращеніе же преслѣдованія, будучи окончательнымъ, не влечетъ за собою никакой повѣрки; неправильно освобожденный отъ преслѣдованія не несетъ на себѣ кары правосудія и, несмотря на содѣянное преступленіе, остается въ обществѣ, которое, по необходимости, должно терпѣть такого члена, рискуя подвергнуться новымъ посягательствамъ непризнаннаго преступника. И все это

происходить только отъ того, что определенія о прекращеніи преслѣдованія суть окончательныя. Закона измѣнить нельзя, но обойти можно. Борьба противъ окончательности (если можно такъ выразиться) определеній о прекращеніи преслѣдованія, подъ вліяніемъ указанного пониманія практическихъ послѣствій такого юридического значенія этихъ определеній, въ самой же практикѣ и создала совершенно новое и самобытное ученіе о преданіи суду. Сущность этого ученія сводится къ положенію *о наименьшей требовательности* данныхъ для преданія суду и соотвѣтственно сему возможно большее ограниченіе случаевъ прекращенія преслѣдованія.

Практическія послѣствія этого опаснаго ученія мы видимъ на каждомъ шагу. Не оно ли въ своей доля сподобствовало образованію мнѣнія о неудовлетворительности суда присяжныхъ, вслѣствіе ихъ склонности къ оправдательнымъ приговорамъ? Но для насъ важна не эта сторона разматриваемаго ученія, а самыя основы, на коихъ это ученіе зиждется.

Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ, прежде всего, указать, что положеніе о наименьшей требовательности данныхъ для преданія суду ни само въ себѣ, ни въ условіяхъ, въ которыхъ оно поставлено, не заключаетъ ничего опредѣленного. По существу разматриваемаго ученія, нѣть никакой возможности отыскать и установить тотъ предѣлъ, за которымъ наименьшая требовательность данныхъ для преданія суду перестаетъ оставаться на почвѣ разматриваемаго ученія. „Наименьшая требовательность“, постановленная въ видѣ безусловнаго положенія и опирающаяся на предвидѣніе оправданія невиновнаго, едва ли исключаетъ возможность преданія суду даже на основаніи одного факта состоянія подъ слѣдствиемъ. Возможность подобнаго примѣненія положенія о «наименьшей требовательности» находитъ себѣ подтвержденіе въ случаѣ изъ судебной практики.

Въ 1866 году двое подсудимыхъ были преданы Палатою суду за грабежъ не на основаніи данныхъ, добытыхъ